

УДК 398 (=945.32)
ББК 82.3 (2 Рос=Коми)

Песни и причитания удорских коми в материалах Ф. В. Плесовского

Галина Сергеевна Савельева

(Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН:
Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26)

Аннотация. В настоящем исследовании дан обзор аудиоматериалов фольклорных экспедиций 1961, 1962 гг. Федора Васильевича Плесовского. Это самые ранние записи по Удорскому району Республики Коми, хранящиеся в Фольклорном фонде Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Основу собрания составляют полевые исследования по р. Мезени. Часть записей была сделана по р. Вашке в ходе совместной экспедиции с сотрудницей сектора народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР Т. И. Орнатской. В статье представлено жанровое содержание записей. Репертуар лирической песни и песен литературного происхождения проанализирован в сопоставлении с другими традициями коми и пограничных русских районов. Материалы по причетной традиции рассмотрены в контексте научных изысканий Ф. В. Плесовского.

Исследование презентует еще один целостный корпус материалов, дающий возможность дальнейшего разностороннего изучения как верхнемезенской песенной традиции, так и актуальной для отечественной фольклористики проблемы фольклорного двуязычия.

Ключевые слова: удорские коми, песенный фольклор, причитания, полевые материалы, Ф. В. Плесовский.

Работа выполнена в рамках плановой темы НИР (рег. № 121051400044-2).

Дата поступления статьи: 29 февраля 2024 г.

Дата публикации: 25 марта 2025 г.

Для цитирования: Савельева Г. С. Песни и причитания удорских коми в материалах Ф. В. Плесовского // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 1. С. 27–38.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2025.26.1.002>

Удорский район находится в западной части Республики Коми и расположен в верховьях Мезени и ее притока Вашки, является зоной коми-русского пограничья. Прочные экономические и культурные связи именно с русскими соседними регионами повлияли на сложение специ-

фической группы удорских коми. Как отмечено в исследовании Л. Н. Жеребцова, сами географические условия — труднодоступность края со стороны Вычегды, но легкость сообщения по Мезени — играли немалую роль в развитии и укреплении хозяйственных и культурных свя-

зей с ближайшими русскими соседями [Жеребцов 1972, 33].

Материалы по музыкально-поэтической традиции Удоры частично представлены в сборнике «Коми народные песни» [Коми народные песни 1971]. Публикация включает порядка тридцати разножанровых образцов песенного фольклора и причитаний, записанных фольклористами Коми филиала АН СССР в период с 1961 по 1966 г. Обзор традиции Вашки по результатам экспедиций конца XX в. представлен в исследовании, посвященном устной и письменной культуре этого региона [Старообрядческий центр на Вашке 2002, 114–120]. В 2008 г. в журнале «Арт» была опубликована звуковая подборка материалов двух совместных экспедиций сотрудников Сыктывкарского университета и Центра народного творчества Республики Коми по Вашке и Мезени 1999 г. и полевых исследований, организованных Сыктывкарским университетом в 1989 г. [Песенная традиция Удоры 2008]¹. Сюда вошли духовные стихи, лирические песни, причитания, детский фольклор, всего 18 единиц записи. Отдельные образцы удорской песенной традиции опубликованы в российских сборниках [Памятники русского фольклора 1967, № 7; Свод русского фольклора, Мезень, Латыгя]. Основной же корпус музыкально-поэтического фольклора Удоры, записанный в ходе фольклорных экспедиций XX в., не представлен в научной литературе.

Записи по коми песенной и причетной традиции Мезени и Вашки сосредоточены в Удорском собрании Фольклорного

фонда Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН². Прежде всего это результаты экспедиций коми фольклористов 1960–1970-х гг.³ — периода фиксации на аудионосители песенно-музыкального фольклора. Одной из самых ранних и объемных по количеству магнитных лент обозначенного периода является коллекция Федора Васильевича Плесовского⁴ 1961, 1962 гг. (26 единиц хранения). Настоящее исследование является началом работы по систематизации этих материалов и определено следующими задачами: представить жанровое содержание записей; свести репертуар лирической песни и сопоставить его с другими традициями коми и пограничных русских районов; описать материалы по причети в контексте научных изысканий собирателя.

Основу коллекции составляют полевые исследования по р. Мезени 1962 г. Работа велась в Пысском, Чернутаевском сельских советах, селах Глотове и Кослане. Активное участие в сборе материала принимала Эльба Кирилловна Павлова (сотрудник сектора языка ИЯЛИ).

Одной из самых многочисленных групп в мезенских записях являются общерусские песни книжного происхождения, городской романс: «Прощайте, ласковые зори», «Тихо стонет сине море», «Я нигде дружка не видела», «Над серебряной рекой, на златом песочке», «Сад зелененькой шумил», «Все пташки-кенарейки там жалобно поют», «У меня под окном расцвела сирень», «Забытая тобою, забыть вас не могу», «Я по садику гуляла», «Семнадцать лет девчоночка не

¹ Подробные сведения об экспедициях 1989 и 1999 гг. см.: [Старообрядческий центр на Вашке 2002, 105–106].

² Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми НЦ относится к архивам, сложившимся в результате профессиональной деятельности фольклористов, лингвистов и этнографов, и включает в себя экспедиционные аудио- и видеоматериалы по традиционной культуре коми и сопредельных с республикой областей.

³ На хранении в Фольклорном фонде ИЯЛИ по Удоре имеются следующие записи данного периода: 1964 г. — Ю. Г. Рочев; 1966 г. — А. К. Микушев, А. Е. Ванеев, венгерский исследователь Эрик Васойи, В. В. Тимин; 1978 г. — В. М. Кудряшова.

⁴ Ф. В. Плесовский (1920–1988) — первый коми фольклорист, ученик В. Я. Проппа, прошел школу полевой фольклористики Пушкинского Дома, специалист по всем областям коми фольклора [Лимеров 2014].

знала ничего», «По Дону гуляет», «Зеленая веточка, ты куда плывёшь», «Кругом-кругом обиротела», «Зачем ты, безумная, губишь», «Бедная жертва», «Сторона, моя сторонка, незнакома здешняя» и др. Всего было записано порядка 45 песенных сюжетов, в том числе связанных с фронтовой тематикой (ранение, смерть солдата, переживания жены, девушки): «Когда ты поедешь во солдаты», «Неизвестная чужая у походного шатра», «Как у наших полях урожаю нема», «Уж ты, поля моя, поля чистая», «Шли три служивых с Турецкого фронта».

В рассматриваемых записях устойчивое место занимают переведенные на коми язык песни из общерусского городского репертуара, а также песни на слова коми поэтов: «Кён олам ми, сэн сулаліс» (Где мы живем, там стоял) (сл. М. Лебедева), «Джуджыд керёсын» (На высокой горе) (сл. П. Шеболкина), «Вёлі шоньд гажа тулыс» (Была теплая веселая весна) (сл. Я. Чупрова), «Ой, ой, тувсов вой» (Ой, ой, весенняя ночь) (сл. В. Савина), «Лэтчыны кутіс гёрд шонді» (Стало спускаться красное солнце), «Уна рыт ме коли а муса нывкёд дыр» (Много вечеров провел я с любимой девушкой), «Кор ме вёлі кызь ареса» (Когда мне было двадцать лет), «Дас сизим ара детина» (Семнадцатилетний детина), «Эн пиняв менё, мамё, милёй другё кузя» (Не ругай меня, мама, за милого дружка), «Эжва ю кузя, тэрыб гы вывті» (По Вычегде, по быстрым волнам). Последняя из них является переводом песни «Вниз по Волге реке в Нижнем Новгороде». Повсеместно у коми пользовалась большой популярностью и в русском, и в переводном вариантах. В материалах Ф. В. Плесовского она также записана в обеих языковых версиях.

По коми региону только в мезенской экспедиции 1962 г. этот пласт песенной культуры представлен таким многочисленным репертуаром. Судя по количеству записей от разных по возрасту информантов (и молодежь, и старожилы), песни литературного происхождения составляли основу песенной лирики

ударцев. Схожая ситуация наблюдается и в Ижемском районе Республики Коми (реки Ижма, Печора), имеющем исторические и хозяйственные связи с Удорой [Жеребцов 1972, 78, 80; Жеребцов 1982, 78]. Еще в самом начале XX в. Н. Ончуков, делясь впечатлениями о поездке на Ижму, отмечает: «Песни ижемцев — это или старинные песни средних губерний России (“Ах вы сени”, “Я вечер молода”, “Снежки белы и пушисты”), поющиеся здесь такими же напевами, как и там, или это совсем и не народные, а модные песни, стихотворения из книг, романсы, перешедшие из полуинтеллигентных слоев сначала в мещанство, а потом и в крестьянство: “Хаз-Булат удалой”, “Глядя на луч румяного заката”, “По синим волнам океана”, самоновейшая знаменитая “Разлука” и др.» [Ончуков 1904, VIII–IX]. Репертуар «новых (городских песен)» выделяется и в крестьянской среде Пинежья, граничащего с Удорским районом по р. Вашке [Гиппиус 1928, 98]. Кроме того, этномузыковедами отмечается и взаимовлияние отдельных русских районов Пинеги, в частности Выйского, и коми региона. Так, характеризуя Выю, Е. В. Гиппиус отмечает: «Репертуар “старых” песен ограничен, молодежь их не знает вовсе, старики знают хорошо не более десяти песен, остальные вспоминают с трудом. Кроме сильного городского влияния на песню, следует отметить и еще одно существенное обстоятельство — постоянное общение с зырянами» [Там же, 108]. С другой стороны, в исследовании песенной традиции русских районов по р. Мезени 1958, 1961 гг. Н. П. Колпаковой отмечена иная ситуация: «Старых песен литературного происхождения среди традиционных протяжных песен на Мезени, по-видимому, всегда было немного. Но городской романс начала XX в. <...> значительно продвинулся за последние десятилетия в глубь мезенских деревень: в 1920-х годах его было здесь значительно меньше» [Колпакова 1967, 17].

Традиционные лирические песни представлены в материалах Ф. В. Плесовского меньшим количеством записей. В ос-

новном все они находят параллели в песенных публикациях по Архангельской области и пограничному с Удорой Усть-Цилемскому району Республики Коми. Естественные языковые изменения, появляющиеся в исполнении заимствованных русских песен, отмечаются, но сравнительно с коми вычегодскими традициями в незначительной степени. В приоритете собирателей была работа с местными певческими коллективами. Перечень лирических песен с отсылкой к вариантам соседних русских и коми традиций представлен в приложении к данной статье.

Из комиязычной лирики Ф. В. Плесовским зафиксирована лишь одна песня — «Ылыс-ылыс ва сайын» (За далекой рекой), имевшая широкое распространение и в других коми традициях. Основная сюжетная линия стабильна: молодую красавицу выдают замуж за старика, она встречается с любимым, за это старик ее бьет. Следующее за этим продолжение достаточно свободно варьируется. В зависимости от него меняется эмоциональное наполнение песни — от жизнеутверждающего (старик-муж пускает жену на постель и три раза целует) до трагического (после жестокого избиения жена умирает). В удорском варианте сцена избиения жены становится кульминацией в изображении несчастной женской доли:

*...Старикыс нетö да о-а,
Юрсйö(а)дыс пыртис,
Öтпырö швачкис да,
Дас кык вурис дай пуксис.
Мöдись швачкис да,
Кызь кык вурис и дай пуксис.
Коймöдисьö швачкис да,
Куыс и потласис,
Нельöдись и швачкис да о-а,
Куыс потласис.
Витöдись и швачкис да,
Лавич улас и дай чужийис
(Вышел старик да
За волосы ее завел домой,
Ударил в первый раз да,
Двенадцать шрамов осталось.
В другой раз ударил да,
Двадцать два шрама нанес.*

В третий раз ударил да,
Кожа и лопнула.
В четвертый раз ударил да,
Кожа и полопалась).

Вторая часть близка к сюжету лирической песни «Мамка, светик дорогой», бытовавшей в русских районах Архангельской области по Вычегде, — встреча матери с дочерью, отданной в далекую чужую сторону [Фольклор нижней Вычегды 2014, 343–344]:

*Öти во-й олö да
Мамсö пельнас о-а из кывлы,
Мöд во-й олö да
Мамсö синнас да оз аддзв.
Коймöд во-й олö да
Гортас мöдöдчис,
Кырсö кад-а, лэтчыны мöдас,
Мамыс вöйтча пэсö.
— Лун шондыö вердöмöйö нылö,
Көн нö тэнад алэй да вирьид?
— Лун шондыö мам-матенкаö,
Менам алэй вирö орыс да поминэ.
— Лун шондиö, вердöмöйö нылö,
Көн нö тэяд зöлтнэй чунькытшид?
— Лун шондыö мам-матенкаö,
Меям зöлтнэйö чунькытшиö
Бöрдöмöла дай вуыйис.
Лун шондыö мам-матенкаö,
Частö тай кöсийн волыны,
А дыр тай кöсийн гöститны,
Дыр тай и ин волы-а,
Скөрö тай гöститин
(Один год прожила да
Мать свою ушами не слыживала,
Второй год прожила да
Мать свою глазами не видывала.
Третий год прожила да
Собралась дома побывать,
В гору поднялась, стала спускаться,
А мать ей навстречу несётся.
— Солнце дневное мое, вскормленная дочь,
Где же твоя алая кровь?
— Солнце дневное мое, мама-матенка,
Моя алая кровь на помин изошлась.
— Солнце дневное мое, вскормленная дочь,
Где же твое золотое колечко?
— Солнце дневное мое, мама-матенка,
Мое золотое колечко*

От слез-плачей источилось-стерлось.
 Солнце дневное мое, мама-матенка,
 Обещала часто навещать,
 Подолгу обещала гостить,
 Да долго же и не приходила,
 Недолго же и гостила)
 (Зап. от А. А. Ванеевой, 42 года, д. Сельыб)
 [ФФ ИЯЛИ: № 54р2–2].

Многочисленные, но зачастую фрагментарные записи русских хороводных и плясовых песен требуют отдельного анализа. Здесь отметим, что в них четко прослеживается контраст ансамблевого и сольного исполнений. Так, песни «Ночка тёмная да ночь осённая», «Как по морю, морю синему», «Хожу я гуляю вдоль по хороводу», «Во саду ли в огороде девица гуляла», «Спрошу, Вася, у тебя, не болит ли голова», «Стало не с кем попить погулять», записанные от сельских коллективов, практически идентичны аналогам из русских традиций. А для сольных записей (песни «Не женись, молодец», «Задавали в нашей Катеньки», «Досидела до светов» и др.) характерна деформация русскоязычных текстов, что значительно затрудняет их идентификацию.

Отдельным блоком могут быть представлены материалы по причетной традиции Удоры. В период проведения этой экспедиции изучение свадебного фольклора коми было приоритетным в кругу научных интересов Ф. В. Плесовского [Плесовский 1968]. В 1962 г. им было записано порядка 19 образцов свадебной причети (родителям, родственникам), а также хуление и величание стороны жениха и самого жениха. Записаны и два похоронных причитания и одно, исполняемое на проводах в армию. Шесть образцов из них включены в сборник «Коми народные песни» [Коми народные песни 1971, № 74–77, 79, 83].

Исследователи песенной культуры коми неоднократно отмечали значительную степень русскоязычной составляющей в удорской причети, нехарактерную для других

традиций, в том числе и пограничных с русскими. Ф. В. Плесовский одним из первых обозначает проблему русских заимствований и языкового билингвизма удорских причитаний и выделяет две группы плачей по языку исполнения: 1) «исполняемые исключительно на коми языке»; 2) «исполняемые на смешанном (коми-русском) языке» [Плесовский 1968, 236]. Также он отмечает неравномерность преобладания русской или коми лексики и делает попытку найти закономерности, исходя из географического принципа: «Процентное соотношение между коми и русской лексикой увеличивается в пользу родного языка по мере удаления от русской границы» [Там же, 237, 238]⁵. Экспедиционные записи исследователя вносят свои коррективы в трактовку языковой специфики удорских причитаний в связи с близостью и удаленностью от русских районов. Ярким примером может послужить образец причитания из д. Сельыб (с. п. Чернутьево) (р. Мезень, «центральная» часть Удорского р-на) на проводах в армию сына:

*Уж первойо да рѳбѳта начинайтышити,
 Яркой ѳгѳнь да дѳбывайтышити,
 Печка-матушка да вытѳпитышити,
 Слых приходитис нерадѳснѳя,
 Повестка да невесѳлая.
 Кѳрмиличаыслы да маменькаыслы,
 Сердешнѳя да утром рано, шуас, среди
 лавки да пѳсадитчи,
 Мѳѳ укѳ (ухо. — Г. С.) да учуитис,
 Звѳнкѳй да кѳлѳкѳльчыкыд, шуас, звѳнитис,
 Пѳ пѳлу кѳ да пѳкѳдитышити,
 Крукивинки да яростятнѳес
 ѳтвѳрйайтышити,
 На высѳкѳй да крылышко вылѳ, шуас,
 пѳдымайтышити⁶,
 Пѳкѳдитышити уличаѳм, шуас, ширѳкыями.
 Стадою кѳ да шуас, прикодитышити
 медленныне да аргыж моз⁷,
 Стабунѳ да стабунѳой моз...*

(Зап. от Селивановой, данные об имени и возрасте отсутствуют) [ФФ ИЯЛИ: № 54р2–11].

⁵ Этой же точки зрения придерживался и А. К. Микушев [Микушев, Чисталев 1995, 10, 11].

⁶ «...крылышко вылѳ, шуас, пѳдымайтышити» — на крылечушко, скажет, поднимись.

⁷ «...аргыж моз» — подобно аргышу (ненец.) — каравану оленьих упряжек.

Нетрудно заметить, что приведенный фрагмент, как, собственно, и все причитание, состоит из русской лексики, но при этом, как отмечает в исследовании удорской традиции А. К. Микушев, «...всегда, даже в том случае, когда в импровизации коми слов почти не оказывается, весь ее синтаксическо-грамматический строй неизменно остается коми» [Микушев, Чисталев 1995, 11]. Здесь эта специфика отражена достаточно ярко: *вытöпныштыті* — вытопила, *приходитіс* — пришел, *көрмилиचाыслы да маменькаыслы* — кормилице да мамоньке и т. д. Вместе с тем некоторые лексические сочетания не подлежат однозначному переводу, поскольку связаны с индивидуальными ассоциациями, как образными, так и языковыми. Например: «*Сердешнойö да лунö, шуас, мяян бöльшие медведь да пöсадитчöма, / Синей öблаз да закрывайтöма, / Свет кө да закрывайтчöма, / Синей заржавом заржевайтöма*» (В сердечный день, скажет, у нас большой медведь уселся...). Можно лишь предположить, что слово *öблаз* связано с русскими *облако* либо *образ* (в значении *икона*). Перечисление слов *синей öблаз* — *свет* — *синей* создает некий абстрактный образ с выступающим на первый план значением светлого, небесного — белый, божий свет. Присутствующая в этом отрывке тавтология *заржавом заржевайтöма* также не имеет четкого лексического значения (заржавом заржавело), при этом создается эмоционально выразительный образ неживого.

Ф. В. Плесовский, характеризуя свадебные причитания Удоры, следующим образом объясняет использование языковых заимствований в создании импровизационных текстов: «Русская лексика <...> используется в целях создания

большей картинности, выразительности и усиления эмоционального воздействия» [Плесовский 1968, 236]. По нашим наблюдениям, само знание и использование русского языка повышало статус причитальщиц и соответственно всей обрядовой ситуации.

Отметим, что в ходе экспедиции был записан оригинальный диалог-импровизация сватовства по ролям: мать, отец, сваты (крестная и крестный), невеста, жених, свадебжана; в завершение этой инсценировки невеста причитает.

В целом записи Ф. В. Плесовского по причетной традиции представляют собой полноценный источник для исследований, связанных с проблемой этнокультурного билингвизма и, возможно, внесут коррективы в существующие трактовки этого культурного явления⁸.

Помимо записей, сделанных по р. Мезени, имеется несколько магнитных лент с полевыми материалами по р. Вашке Удорского района 1961 г. По всей видимости, они были собраны в ходе совместной экспедиции с ленинградской исследовательницей Т. И. Орнатской⁹. По результатам этой поездки ею была опубликована статья, в которой отмечено, что в состав экспедиции входил сотрудник Коми филиала АН СССР Ф. В. Плесовский [Орнатская 1963, 161]. В д. Муфтыге записаны образцы протяжной лирической песни в дуэтом исполнении: «Кого нету, того жаль», «Прошла молодость молодецкая», «Красны девушки» (фрагмент). Помимо этого, имеются образцы похоронного и свадебного причитаний.

В заключение хочется отметить, что записи Ф. В. Плесовского отличаются максимальной объективностью, непредвзятым отношением к материалу. Он не отдавал каких-то предпочтений в фикса-

⁸ Разные подходы в изучении проблемы этнокультурного билингвизма в отечественной фольклористике представлены в статье Е. А. Дороховой [Дорохова 2017, 24–25]. Проблеме двуязычия удорских плачей посвящено исследование Г. А. Мишариной [Мишарина 2011].

⁹ Речь идет о шести магнитофонных лентах. Не все из них возможно точно атрибутировать из-за технически низкого качества записи. В рукописных отчетах Ф. В. Плесовского сведения об этих материалах отсутствуют. Видимо, часть из них является копиями аудиозаписей Т. И. Орнатской.

ции «старых» или «новых» песен, песен на коми или русском языке. В его материалах мало фрагментарных записей, как правило, они присутствуют по причине завершения пленки в момент исполне-

ния. В итоге им зафиксирован достаточно объемный и целостный блок материалов, дающий возможность дальнейшего разностороннего изучения удорской песенной традиции.

Источники и материалы

Гиппиус 1928 — *Гиппиус Е. В.* Культура протажной песни на реке Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Вып. 2. Пинежско-Мезенская экспедиция. Л.: Academia, 1928. С. 98–116.

Коми народные песни 1971 — Коми народные песни: В 3 т. Т. 3: Вымы и Удора / Сост. А. К. Микушев, П. И. Чисталев, Ю. Г. Рочев. Сыктывкар: Шыпас, 1971.

Ончуков 1904 — *Ончуков Н.* Былинная поэзия на Печоре // Печорские былины / Н. Е. Ончуков. СПб.: Типо-лит. Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. I–XXXV.

Памятники русского фольклора 1967 — Памятники русского фольклора: Песенный фольклор Мезени / Сост. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л.: Наука, 1967.

Песенная традиция Удоры 2008 — Песенная традиция Удоры (о новом музыкальном диске) / Сост. Г. С. Савельева, Т. С. Канева, А. В. Панюков // Арт (Лад). <Республ. лит.-публ., ист.-культуролог., худож. журнал>. 2008. № 1. С. 189–191.

Песни Пинежья 1937 — Песни Пинежья: Матер. фонограмм-архива / Собр. и разраб. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд; Под общ. ред. Е. В. Гиппиус. Кн. II. М.: Гос. муз. изд-во, 1937. (Труды Института антропологии, этнографии и археологии. Фольклорная секция; Т. 2. № 2).

Пинежская песня 2014 — Пинежская песня: Антология. Т. 2. 2014. URL: <http://camelstudio.ru/pinega> (дата обращения: 02.02.2024).

Свод русского фольклора — Свод русского фольклора. Былины. Звуковой аналог по матер. Фонограммархива Отдела фольклора ИРЛИ РАН. URL: <http://byliny.pushkinskijdom.ru> (дата обращения: 02.02.2024).

Традиционная культура Усть-Цильмы 2008 — Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни: Науч. изд. / Сост. Т. С. Канева, А. Н. Власов, Ю. И. Марченко, З. Н. Мехреньгина, Е. А. Шевченко. М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2008.

Фольклор нижней Вычегды 2014 — Музыкально-поэтический фольклор нижней Вычегды: (Материалы к Своду русского фольклора) / Сост., подгот. текстов, ст. и коммент.

А. Н. Власова, Е. А. Дороховой, Т. С. Каневой, З. Н. Мехреньгиной. СПб.: Пушкинский Дом, 2014.

Фольклор прилузских коми 2014 — Фольклор прилузских коми: Справ.-аналит. матер. / Сост. С. С. Мусанова; Под ред. Т. С. Каневой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014.

Исследования

Дорохова 2017 — *Дорохова Е. А.* Этнокультурный билингвизм как предмет междисциплинарных исследований // III Всерос. конгр. фольклористов (Москва, 3–7 февраля 2014 г.): Сб. науч. ст.: В 5 т. Т. 1: Актуальные проблемы российской фольклористики / Сост. В. Е. Добровольская, Е. А. Дорохова, И. В. Дынникова, А. Б. Ипполитова. М.: Роскультпроект, 2017. С. 16–30.

Жеребцов 1972 — *Жеребцов Л. Н.* Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII — начале XX в. М.: Наука, 1972.

Жеребцов 1982 — *Жеребцов Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982.

Колпакова 1967 — *Колпакова Н. П.* Песенный фольклор Мезени // Памятники русского фольклора: Песенный фольклор Мезени / Сост. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л.: Наука, 1967.

Лимеров 2014 — *Лимеров П. Ф.* Федор Васильевич Плесовский — вехи биографии и научная деятельность // Коми войтырлӧн шусьӧгъяс да кывйӧзъяс. Пословицы и поговорки коми народа / Сост. П. Ф. Лимеров. Сыктывкар: Коми республ. тип., 2014. С. 12–25.

Микушев, Чисталев 1995 — *Микушев А. К., Чисталев П. И.* Песни Выми и Удоры // Коми народные песни: В 3 т. Т. 3: Вымы и Удора / Сост. А. К. Микушев, П. И. Чисталев, Ю. Г. Рочев. 2-е изд. Сыктывкар: Шыпас, 1995. С. 5–20.

Мишарина 2011 — *Мишарина Г. А.* Двухязычная причет в коми фольклорной традиции // «Свое» и «чужое» в культурных традициях Русского Севера: проблема самоидентификации и сохранения русского наследия: Рябининские чтения-2011. Петрозаводск: Кар. науч. центр РАН, 2011. С. 332–334.

Орнатская 1963 — Орнатская Т. И. Русская песня на Вашке // Историко-филологический сборник / Академия наук СССР. Коми филиал. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1963. Вып. 8. С. 161–174.

Плесовский 1968 — Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Обряды и причитания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968.

Савельева 2016 — Савельева Г. С. К проблеме вариативности в песенном фольклоре коми // Фольклористика коми. Фольклорные жанры Европейского Северо-Востока России: дина-

мика развития, трансформация, классическое наследие и современные формы. Сыктывкар, 2016. С. 152–172. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 74).

Старообрядческий центр на Вашке 2002 — Старообрядческий центр на Вашке: Устная и письменная традиции Удоры: Матер. и иссл. / Отв. ред. и сост. А. Н. Власов. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2002.

© Г. С. Савельева, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Савельева Г. С. <https://orcid.org/0000-0003-1211-3283>

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: Российская Федерация, Республика Коми, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; тел.: +7 (8212) 20-17-02; e-mail: galsav69@mail.ru

Приложение

Традиционные лирические песни удорских коми в записях Ф. В. Плесовского: материалы к указателю

Вольная да пташка,
Ты куда, куда летишь.
Дай летит Петербург город

Славная рощица, в этой рощице генерал гулял, в саду гулял с генеральшей, молодой солдат бедной на часах стоит, показались ему часы долгие, перемена редкие, ветры буйные; во саду зеленые зелен виноград растет, черной-слив цветет, изюм ягоды, изюм ягоду брала, увидела дружка, девушка заплакала, не плачь, красная девица (Зап. от ансамбля, с. Глотова¹) [ФФ ИЯЛИ: № 58р1–4].

Вариант записан в этой же экспедиции в д. Латьюге [ФФ ИЯЛИ: 27р1–1].

Бликие к этой песне варианты фиксировались в других коми традициях. Широкое бытование песня имела в южных районах республики (р. Летка) с зачином «Петенбур — гөрöd, / Петенбур — славной гөрöd» [Фольклор прилужских коми 2014, 151–152].

Прощай, радости моя,
Ой, вижу я едет милой от меня,

Ох нам должно с тобой то ле расстаться,
Те бы я больше милой не видать

Вспомню твой взор, весёлый разговор; ноченька темная не спится, сама знаю почему; сама девица сказала, за мной мальчик не гоняй, за мной красотой; на золотой песок разделись, мысль свежую водой; полейся сильный дождик, расступись сырая земля, дубовая доска раскройся; моя мамонька лежит; встань, мамонька родная, говори речи со мной (Зап. от ансамбля, д. Латьюга²) [ФФ ИЯЛИ: 27р1–2].

Фрагмент песни с зачином «Прощай жьсь, прощай радость моя» опубликован в сборнике «Песни Пинежья». В комментариях отмечена ее огромная популярность у русского населения центральных районов и на всем пространстве Северного края, в том числе и «в смежной с ним Автономной Области Коми (где это также одна из излюбленных песен коми-зырян)» [Песни Пинежья 1937, 404–405, № 18]. На территории Республики Коми эта песня

¹ Участники ансамбля с. Глотова: Ф. Д. Коновалов, 60 лет, К. Г. Иевлев, 68 лет, Т. А. Попова, 55 лет, Е. А. Ульянова, 55 лет, Л. А. Коновалова, 57 лет, А. А. Бушуева, 50 лет, Е. В. Будрина, 46 лет.

² Участники ансамбля д. Латьюги: А. Д. Логинова, 64 года, А. К. Бушенёва, 65 лет, Е. Ф. Букина, 60 лет, А. Е. Букина, 59 лет, П. Г. Букина, 76 лет, А. В. Павлова, 62 года, А. Г. Павлова, 68 лет, К. А. Павлов, 69 лет, М. С. Бушенева, 63 года.

также записывалась в русских поселениях — с. Серегово (р. Вымь), п. Кажим (р. Сысола).

Уезжает да милой оставляет,
Дай одни ласковые да во слова.

На прощаньечок оставил с ручки перстень золотой, день на рученьке его носила, на ночь в голову клала; пуховые мои подушечки потонули во слезах, соболони новы одеюлышко не согрело груди мои, кабы было мое состояничек, я бы крылышок себе свила, поднялась бы полетела дружечки своей, дружка встретила недалече, разговаривал со мной (Зап. от ансамбля, д. Латьюга) [ФФ ИЯЛИ: № 27р2–5].

Вариант записан Ф. В. Плесовским на Вашке в 1961 г. Исследователи отмечают широкую популярность этой песни, но с другим зачином («Кого нету, того больно жаль»), в российских регионах [Песни Пинежья 1937, № 88; Традиционная культура Усть-Цильмы 2008, № 86].

Как за реченькой да быльёе за Нивагою.
За другой речкой, речка Перебрагою.
Не спольнь травонька да во поле шаталася.
Шаталася да ле в поле за душа ле моё

Душечка удалой доброй молодец, зашел не своей охотой, с молодца неволюшко, чужая сторонюшка, жизнь боярево, служба государево, служба царю белому, закон Петра Первоё, наследнику Николаю Павловичу. Солдатушко часы полночи, часы девятого, до утраной зари, до краснова солнышка (Зап. от ансамбля, д. Латьюга) [ФФ ИЯЛИ: № 27р3–3].

Песня имела широкое распространение у южных коми (р. Луза и Летка) [Фольклор прилузских коми 2014, 126–127, 142]. По русским пограничным районам опубликованы записи печорских и мезенских вариантов [Памятники русского фольклора 1967, № 22; Традиционная культура Усть-Цильмы 2008, № 2].

Горе горькая да кукушка,
Эой да по ой по заре-то она долго летала.
Да ле всё то летала всё сгоревала.
Да ле всё то милово дружка дай искала

Нашла дружочек ненадолго, на денёчек, на годочек, во саду девки гуляли да виноградьё, башмаченьки они растоптали, белые чулоченьки они замарали, с головью платок да стирали, мне не жалко платок яловой, тольки жалко да милово, я пойду с горя на речку, посмотри жизнь солдатску (Зап. от ансамбля, д.

Латьюга) [ФФ ИЯЛИ: № 27р3–4]. Фрагмент варианта записан Ф. В. Плесовским в д. Разгорт [ФФ ИЯЛИ: № 57р2–6].

Песня пользовалась популярностью практически во всех традициях коми. Фиксировалась в русской, коми и смешанных языковых версиях [Савельева 2016, 168–169]. В соседних русских районах бытовала и на Пинеге, и на Мезени [Памятники русского фольклора 1967, № 27, № 28; Песни Пинежья 1937, № 26].

Сидит Ваня да на деваня,
Он последне да румки пёт.
Види-ялушок в стакане, сказал миленькой
да распрошай

Прошай, девки, прошай, бабы, старые старики; во Усоли во трактире много денег прокутил, тысяч двадцать серебром; не хочу я сладкой водки, наливай же полуштоф (Зап. от А. Е. Букиной, 59 лет, д. Латьюга) [ФФ ИЯЛИ: № 27р2–3]. *Види-ялушок в стакане* — от русского *видит донушко в стакане*.

Фрагментарно опубликована в сборнике «Песни Пинежья» [Песни Пинежья 1937, № 15]. Там же в комментариях упомянут вариант текста и напева, записанный составителями у коми ижемцев в д. Щелья-Юра Усть-Цилемского района Северного края [Песни Пинежья 1937, 398] (по современному административному делению — п. Щельяюр Ижемского района Республики Коми).

Не шатайсе, моя любезная,
Тоска-сгора не сдуйсё.
Ок-то чтой надули дули ветры буйны
С трох родимое да сторонки

Со родимую была дорожки, во синю было морю, сокол мой миленькой вылетает, несдылышок мой миленькой седёт, меня воспоминёт, по горенки кодит, в столовьюшках мой миленькой туши, кошечки да смотру, светы дожидает, свету долго нету, зора занимаё, зачим зорюшка занимает, росушка роса выпадает, солнцё выкатае, зачим солнышко выкатает, месяц высполяе, парня наживляет, во аглицкой была платочик, три челковых подари (Зап. от А. К. Букиной, 69 лет, с. Пысса) [ФФ ИЯЛИ: № 28р3–1].

Песня, вероятно, в основе является вариантом сюжета «Полно, солнышко, из-за лесу светить» [Памятники русского фольклора 1967, № 62]. Записана в сольном исполнении, что предполагает индивидуальную интерпретацию

На горе стоит дом каменной, во дому отец с матушкой, велят сына поженитесь; женись, сын, разумом бери, кого я велю, жену барскую; взял жену не по разуму, не продать, не заложить (Зап. от А. К. Артемьевой, 52 года, Лыткиной (данные об имени и возрасте отсутствуют), д. Муфтыга) [ФФ ИЯЛИ: № 55р2–2].

Этот вариант был записан Ф. В. Плесовским в 1961 г. на Вашке. На Мезени (с. Пысса) им зафиксированы только первые строки. Песня бытовала в русских районах по Мезени [Памятники русского фольклора 1967, № 65а].

Songs and Lamentations of the Udora Komi Among the Materials of F. V. Plesovsky

Galina S. Savelyeva

(Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences:
26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation)

Summary. *The present article gives an overview of audio materials from the folklore expeditions of 1961–1962 led by Fyodor Vasilievich Plesovsky. These are the earliest records from the Udorsky district, stored in the Folklore Fund of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The main part of the collection consists of field research along the Mezen River, but some of the records were made on the Vashka River during a joint expedition with T. I. Ornatskaya, a member of the folk art sector of the Institute of Russian Literature (Pushkin House). The article examines the genre content of the recordings. The author also considers the repertoire of lyric songs and songs of literary origin in comparison with other traditions of the Komi and bordering Russian districts; the lamentations are considered in light of F. V. Plesovsky's research. Plesovsky's collection represents an integral corpus of material which provides an opportunity to study of both the Upper Mezen song tradition and the problem bilingualism in folklore, a significant topic in Russian folkloristics.*

Key words: Udora Komi, song folklore, lamentations, field materials, F. V. Plesovsky.

Received: February 29, 2024.

Date of publications: March 25, 2025.

For citation: Savelyeva G. S. Songs and Lamentations of the Udora Komi Among the Materials of F. V. Plesovsky. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 1. Pp. 27–38. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.1.002>

References

Dorokhova E. A. (2017) Etnokul'turnyi bilingvizm kak predmet mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Ethnocultural Bilingualism as a Subject of Interdisciplinary Research]. In: III Vserossiiskii kongress fol'kloristov (Moskva, 3–7 fevralya 2014 g.): Sb. nauch. st. V 5 t. T. 1: Aktual'nye problemy rossiiskoi fol'kloristiki [III All-Russian Congress of Folklorists (Moscow, February 3–7, 2014): A Collection. Scholarly Art: In 5 vol. T. 1: Current Problems of Russian

Folklore Studies]. Comp. by V. E. Dobrovolskaya, E. A. Dorokhova, I. V. Dynnikova, A. B. Ippolitova. Moscow: Roskul'tproekt. Pp. 16–30. In Russian.

Kolpakova N. P. (1967) Pesennyi fol'klor Mezeni [Song Folklore of Mezen]. In: Pamyatniki russkogo fol'klora: Pesennyi fol'klor Mezeni [Monuments of Russian Folklore: The Song Folklore of Mezen]. Comp. by N. P. Kolpakova, B. M. Dobrovolsky, V. V. Mitrofanova, V. V. Korzuzalov. Leningrad: Nauka. Pp. 9–32. In Russian.

Limerov P. F. (2014) Fedor Vasil'evich Plesovskii — vekhi biografii i nauchnaya deyatel'nost' [Fyodor Vasilievich Plesovsky — Milestones in His Biography and Scholarly Activity]. In: Komi voityrlön shus'ög' yas da kyviöz' yas. Poslovitsy i pogovorki komi naroda [Proverbs and Sayings of the Komi People]. Comp. by P. F. Limerov. Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya. Pp. 12–25. In Russian.

Mikushev A. K., Chistalev P. I. (comp.) (1995) Komi narodnye pesni: V 3 t. [Komi Folk Songs. In 3 vols.]. T. 3: Pesni Vymi i Udory [Vol. 3: Songs of Vymi and Udora]. Comp. by A. K. Mikushev, P. I. Chistalev, Yu. G. Rochev. Syktyvkar: Shypas. Pp. 5–20. In Russian.

Misharina G. A. (2011) Dvuyazychnaya pricheť v komi fol'klornoi traditsii [The Bilingual Parable in the Komi Folklore Tradition]. "Svoe" i "chuzhoe" v kul'turnykh traditsiyakh Russkogo Severa: problema samoidentifikatsii i sokhraneniya russkogo naslediya. Ryabininskie chteniya-2011 ["Our Own" and "Foreign" in the Cultural Traditions of the Russian North: The Problem of Self-Identification and Preservation of the Russian Heritage. Ryabinin Readings-2011]. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr RAN. Pp. 332–334. In Russian.

Ornatskaya T. I. (1963) Russkaya pesnya na Vashke [The Russian Song About Vashka]. Istoriko-filologicheskii sbornik. Akademiya nauk SSSR. Komi filial [Historical and Philological Collection. Academy of Sciences of the USSR. Komi Branch]. Iss. 8. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo. Pp. 162–174. In Russian.

Plesovsky F. V. (1968) Svad'ba naroda komi. Obryady i prichitaniya [Weddings of the Komi

People. Rites and Lamentations]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo. In Russian.

Savelyeva G. S. (2016) K probleme variativnosti v pesennom fol'klоре komi [On the Problem of Variation in the Song Folklore of the Komi]. In: Fol'kloristika komi. Fol'klornye zhanry Evropeiskogo Severo-Vostoka Rossii: dinamika razvitiya, transformatsiya, klassicheskoe nasledie i sovremennye formy (Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTS URO RAN. Vyp. 74) [Folkloristics of the Komi. Folklore Genres of the European North-East of Russia: Dynamics of Development, Transformation, Classical Heritage and Modern Forms (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Iss. 74)]. Syktyvkar. Pp. 152–172. In Russian.

Vlasov A. N. (comp.) (2002) Staroobryadcheskii tsentr na Vashke: Ustnaya i pis'mennaya traditsii Udory: Mater. i issled. [The Old Believer Center on Vashka: Oral and Written Traditions of Udora: Materials and Research]. Ed. and comp. A. N. Vlasov. Syktyvkar: Syktyvkar'skii gos. un-t. In Russian.

Zherebtsov L. N. (1972) Khozyaistvo, kul'tura i byt udorskikh komi v XVIII — nachale XX v. [Economy, Culture and Life of the Udor Komi in the Eighteenth — Early Twentieth Centuries]. Moscow: Nauka. In Russian.

Zherebtsov L. N. (1982) Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami [The Historical and Cultural Relations of the Komi with Neighboring Peoples]. Moscow: Nauka. In Russian.

© G. S. Savelyeva, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Galina S. Savelyeva [https:// orcid.org/0000-0003-1211-3283](https://orcid.org/0000-0003-1211-3283)

E-mail: galsav69@mail.ru

Tel.: +7 (8212) 20-17-02

26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167000, Russian Federation

PhD in Philology, Senior Researcher, Folklore Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)